

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

DOI: 10.21128/1812-7126-2017-6-152-162

ОКТАБРЬ • 2017

Постановление от 6 октября 2017 года № 23-П по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201710100029; дата опубликования: 10.10.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: забота о детях, их воспитание; алиментные обязательства; неустойка по уплате алиментов; снижение размера законной неустойки судом.

Заявитель: гражданин Р.К. Костяшкин (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса РФ и пункта 1 статьи 333 ГК РФ постольку, поскольку на основании этих положений решается вопрос о возможности уменьшения неустойки, подлежащей уплате при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда.

Позиция заявителя: оспариваемые положения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, исключают право суда при рассмотрении конкретного спора уменьшить размер неустойки, начисленной за просрочку уплаты алиментов на содержание несовершеннолетнего ребёнка, если она явно несоразмерна последствиям нарушения данного обязательства, что в совокупности с тяжёлым материальным положением должника приводит к нарушению баланса прав и законных интересов всех несовершеннолетних детей должника, находящихся на его ижди-

вании, и тем самым противоречат части 3 статьи 17 Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать положения пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса РФ и пункта 1 статьи 333 ГК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку эти положения — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не препятствуют суду при наличии заслуживающих внимания обстоятельств уменьшить неустойку при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов. Конституционно-правовой смысл положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса РФ и пункта 1 статьи 333 ГК РФ, выявленный в Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике (в силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Правоприменительные решения по делу заявителя, основанные на признанных не противоречащими Конституции РФ положениях в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявлен-

ным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Мотивы решения. Взыскание алиментов на ребёнка является одним из способов реализации конституционных положений о защите детства (часть 2 статьи 7, статья 38 Конституции РФ) и имеет особое социальное значение. Государство обязано гарантировать адекватную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних детей, для которых регулярное получение указанных платежей может стать одним из основных источников средств к существованию, что предполагает установление эффективных правовых механизмов, посредством которых обеспечивалось бы сохранение уровня жизнеобеспечения получателя алиментов — несовершеннолетнего ребёнка (см.: *определения от 19 мая 2009 года № 841-О-О, от 5 июля 2011 года № 953-О-О и от 6 июня 2016 года № 1417-О*). При этом действует подход, направленный на максимальное возможное сохранение ребёнку прежнего уровня его обеспечения при условии соблюдения баланса интересов несовершеннолетних детей и их родителей в рамках алиментных отношений (см.: *Определение от 29 сентября 2016 года № 2091-О*).

С целью установления гарантий осуществления прав несовершеннолетних детей на получение содержания федеральным законодателем предусмотрена развёрнутая система мер государственного принуждения в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по содержанию несовершеннолетних детей, включающая меры гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков и уплаты законной зачётной неустойки. Данные положения, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, направлены на обеспечение своевременного исполнения обязанностей по уплате алиментов (см.: *определения от 20 ноября 2014 года № 2596-О и № 2597-О, от 29 января 2015 года № 109-О, от 23 июня 2015 года № 1389-О и от 28 января 2016 года № 166-О*) и призваны гарантировать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних детей посредством стимулирования плательщиков алиментов добровольно исполнять обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей,

избегать образования задолженности по исполнению алиментных обязательств, не допуская ситуаций экономического обесценивания задержанных должниками алиментных выплат.

Неоднократно обращаясь к вопросу уменьшения судом размера подлежащей взысканию неустойки в связи с ненадлежащим исполнением обязательств в соответствии со статьёй 333 ГК РФ, Конституционный Суд РФ пришёл к выводу, что требование о снижении размера неустойки, являясь производным от основного требования о взыскании неустойки, неразрывно связано с последним и позволяет суду при рассмотрении дела по существу оценить обоснованность размера заявленной к взысканию неустойки, то есть её соразмерность последствиям нарушения обязательства, что направлено на реализацию действия общеправовых принципов справедливости и соразмерности, а также обеспечение баланса имущественных прав участников правоотношений при вынесении судебного решения и согласуется с положением части 3 статьи 17 Конституции РФ, в соответствии с которым осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (см.: *определения от 25 января 2012 года № 185-О-О, от 22 января 2014 года № 219-О, от 24 ноября 2016 года № 2447-О, от 28 февраля 2017 года № 431-О*).

Соответственно, оспариваемые положения — исходя из цели обеспечения баланса интересов обеих сторон алиментных правоотношений, лежащего в основе правового регулирования принудительного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних детей, — не исключают обязанности суда оценить обоснованность размера заявленной к взысканию неустойки, то есть фактически её соразмерность задолженности алиментнообязанного лица, в том числе с учётом исключительных обстоятельств, затрагивающих права и законные интересы других членов семьи (включая оценку реальных доходов алиментнообязанного лица в период образования задолженности, поскольку именно реальными доходами определяются материальные возможности такого лица по осуществлению принадлежащих ему прав и исполнению возложенных на него обязанностей, среди которых

содержание самого себя и других членов своей семьи, находящихся на его иждивении).

Между тем сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды общей юрисдикции при разрешении вопросов о возможности уменьшения судом неустойки за несвоевременную уплату алиментов в случае её явной несоразмерности последствиям нарушения алиментных обязательств исходят из того, что оспариваемые положения не предполагают право суда уменьшить неустойку, подлежащую уплате при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, что не в полной мере отвечает конституционным требованиям обеспечения поддержания баланса интересов не только тех сторон алиментных правоотношений, обязательство по содержанию которых установлено по решению суда, но и других участников семейных правоотношений (несовершеннолетних, нуждающихся, нетрудоспособных), которые также имеют право на получение содержания от должника, и, следовательно, ослабляет гарантии защиты их конституционных прав и свобод, а потому может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона.

Таким образом, оспариваемые положения, направленные на реализацию действия общеправовых принципов справедливости и соразмерности, а также стабильности, гарантированности и защиты прав и интересов нуждающихся в материальной поддержке граждан, обеспечение баланса имущественных прав участников правоотношений при вынесении судебного решения, согласуются с

конституционным принципом недопустимости такого осуществления прав и свобод человека и гражданина, которым нарушаются права и свободы других лиц (часть 3 статьи 17 Конституции РФ), по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ не дают оснований для вывода об отсутствии у суда права при наличии заслуживающих внимания обстоятельств разрешать вопрос о возможности уменьшения неустойки, подлежащей уплате при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, в случае её явной несоразмерности имеющейся задолженности. Иное понимание данных законоположений означало бы не только отступление от вытекающего из части 3 статьи 17 Конституции РФ требования, конкретизированного в статье 7 Семейного кодекса РФ, согласно которому осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан, но и приводило бы к снижению гарантий государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства, закреплённых частями 1 и 2 статьи 38 Конституции РФ, и противоречило бы общепризнанным принципам и нормам международного права.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Декларация прав ребёнка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года) (принцип 7); Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) (статья 18).

Постановление от 17 октября 2017 года № 24-П по делу о проверке конституционности пункта 5 части четвёртой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201710200031; дата опубликования: 20.10.2017).

Правовые категории в Постановлении: гражданское судопроизводство; пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений; обстоятельства пересмотра судебных постановлений; судебное толкование; обратная сила; *res judicata*.

Заявители: граждане А. Абрамов, В. А. Ветлугаев, С. Н. Долгунов, Е. А. Казаченко, В. П. Печков, М. П. Рыбаков и Л. В. Смирнова (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ). Руководствуясь статьёй 48 Федерального конституционного закона «О Кон-

ституционном Суде Российской Федерации», Суд соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Предмет рассмотрения: пункт 5 части 4 статьи 392 ГПК РФ постольку, поскольку на его основании суд первой инстанции решает вопрос о пересмотре вынесенного им по конкретному делу судебного постановления, вступившего в законную силу, в связи с новыми обстоятельствами, признавая в качестве таковых определение (изменение) практики применения правовой нормы, выраженное в определении судебной коллегии Верховного Суда РФ, которое вынесено по результатам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

Позиция заявителей: содержащееся в пункте 5 части 4 статьи 392 ГПК РФ положение допускает в правоприменительной практике возможность произвольного истолкования и применения вопреки его конституционно-правовому смыслу, позволяя признавать в качестве нового обстоятельства как основания для пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления изменение практики применения правовой нормы, нашедшее отражение в определении судебной коллегии Верховного Суда РФ, вынесенном в порядке кассационного производства по делу с участием других лиц и содержащем толкование норм права, отличное от их толкования, данного в судебном постановлении, о пересмотре которого ходатайствует заинтересованное лицо.

Итоговый вывод решения: признать пункт 5 части 4 статьи 392 ГПК РФ не противоречащим Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, применённой судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда РФ, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

Федеральному законодателю надлежит внести в гражданское процессуальное законодательство следующие изменения, касающиеся пересмотра по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного по-

становления по основанию, указанному в пункте 5 части 4 статьи 392 ГПК РФ:

предусмотреть возможность такого пересмотра только при условии, что в соответствующем постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда РФ содержится прямое указание на придание сформулированной в нём правовой позиции обратной силы применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами;

закрепить недопустимость придания обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение граждан в их правоотношениях (пенсионных, жилищных, по предоставлению обеспечения в порядке обязательного социального страхования и др.) с органами государственной власти, органами местного самоуправления или организациями, наделёнными отдельными государственными или иными публичными полномочиями (их должностными лицами), по сравнению с тем, как оно было определено в пересматриваемом судебном постановлении;

установить процессуальный срок, в течение которого допускается пересмотр вынесенного по конкретному делу и вступившего в законную силу судебного постановления в связи с таким новым обстоятельством, как определение (изменение) практики применения правовой нормы, применённой судом в конкретном деле, в постановлении Пленума Верховного Суда или Президиума Верховного Суда РФ, принятом по итогам рассмотрения другого дела в порядке надзора.

Судебные постановления по делам заявителей, вынесенные на основании пункта 5 части 4 статьи 392 ГПК РФ в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Порядок судебной проверки судебных актов по жалобам заинтересованных лиц определяется федеральным законодателем. В частности, ГПК РФ в целях эффективного восстановления нарушенных прав — одновременно — обеспечения соблюдения принципа *res judicata* предусматривает пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений в кассационном и надзорном порядке, а также по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Одним из оснований пересмотра судебных постанов-

лений по новым обстоятельствам является определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, применённой судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда РФ, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Европейский Суд по правам человека не отрицает возможность квалифицировать изменение толкования законодательства в качестве вновь открывшегося или нового обстоятельства, однако подчёркивает, что такое изменение не оправдывает отмену судебного решения, вынесенного в пользу заявителя, учитывая, что граждане или объединения граждан являются заведомо более слабой стороной в отношениях с государством. Принцип правовой определённости, по мнению Европейского Суда по правам человека, не может рассматриваться как препятствующий отмене вступившего в законную силу судебного решения, если она необходима для восстановления прав гражданина или улучшения его правового положения. Конституционный Суд РФ также указал, что вытекающая из статьи 54 (часть 1) Конституции РФ недопустимость придания обратной силы нормативному регулированию посредством толкования, ухудшающего положение лица в его отношениях с государством, обусловлена, помимо прочего, требованием формальной определённости правовой нормы, которое предполагает, что участники соответствующих правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, а также приобретённых прав и обязанностей; это исключает отмену окончательных судебных актов, определяющих права физических или юридических лиц в их отношениях с государством, в частности в случаях, когда за ними признаётся право на получение определённых благ; во всяком случае недопустимо придание обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение подчинённой (слабой) стороны в публичном правоотношении (см.:

Постановление от 21 января 2010 года № 1-П).

Верховный Суд РФ обладает специальной, присущей только ему, компетенцией по даче разъяснений по вопросам судебной практики в том числе в целях поддержания единообразия в толковании и применении норм права судами, что является одним из элементов основанного на предписаниях статей 15 (часть 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции РФ механизма обеспечения единства и непротиворечивости российской правовой системы. При этом возможность пересмотра неопределённого числа вступивших в законную силу судебных постановлений по рассмотренным ранее делам — во избежание снижения гарантий судебной защиты, нарушения стабильности определённого судебными постановлениями правового положения субъектов права и, в конечном счёте, конституционного принципа законного суда — может быть обусловлена определением (изменением) практики применения правовой нормы при условии, что оно осуществляется такими актами Верховного Суда РФ, которые обладают свойствами окончательности (то есть не могут быть отменены или изменены в каком-либо процессуальном порядке) и принимаются входящим в его состав органом, чьи решения отражают правовую позицию Верховного Суда РФ в целом.

В состав Пленума и Президиума Верховного Суда РФ входят судьи Верховного Суда, осуществляющие полномочия по руководству Судом, а также судьи — члены всех его судебных коллегий. Тем самым при рассмотрении Пленумом Верховного Суда РФ или его Президиумом вопросов определения (изменения) практики применения правовых норм обеспечиваются непротиворечивые подходы в толковании действующего законодательства и как следствие — необходимый в демократическом обществе высокий уровень доверия к судебной власти. Кроме того, окончательность постановлений Президиума по конкретным делам и невозможность их пересмотра какой-либо иной судебной инстанцией закреплена законодательно (ст. 391.14 ГПК РФ).

Определения, выносимые судебными коллегиями Верховного Суда РФ при пересмотре конкретных дел в кассационном порядке, указанным критериям (окончательности принимаемого акта и отражения позиции Суда в

целом) не отвечают. Из этого следует, что судебные акты, выносимые в таком судебном составе, не могут являться основанием для отмены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов, тем более по делам, которые не были предметом рассмотрения судебной коллегии Верховного Суда. В самом акте судебной власти, определившем (изменившем) практику применения правовой нормы, должно содержаться указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, при вынесении которых правовая норма была применена судом иначе, а пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений допускается, если в результате нового толкования правовых норм не ухудшается положение подчинённой (слабой) стороны в правоотношении (между тем это относится только к постановлениям Президиума или Пленума Верховного Суда РФ).

Из Конституции РФ вытекает необходимость законодательного закрепления не только оснований, условий и порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, но и его сроков; отсутствие их законодательного закрепления, равно как и чрезмерно длительные или неопределённые сроки, не-

чёткие и неясные основания пересмотра приводили бы к нестабильности правовых отношений, произвольному изменению установленного судебными актами правового статуса их участников, создавали бы неопределённость как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в связи с судебным спором процессуальных правоотношениях (см.: *Постановление от 5 февраля 2007 года № 2-П*). Отсутствие же в ГПК РФ в отличие от АПК РФ указания на срок, по истечении которого вопрос о пересмотре вступившего в законную силу (и зачастую исполненного) судебного постановления при изменении Верховным Судом РФ толкования, применённых в конкретных делах норм права уже не может быть поставлен, влечёт неограниченную по времени вероятность отмены определившего права и обязанности участников соответствующих правоотношений судебного постановления, а значит, неопределённость их правового статуса, что недопустимо.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года; Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1984 года.

Постановление от 26 октября 2017 года № 25-П по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201710270033; дата опубликования: 27.10.2017)

Правовые категории в Постановлении: право на свободу информации; тайна переписки; обладатель информации; доступ к информации; распространение информации; передача информации.

Заявитель: гражданин А. И. Сушков (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 5 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», поскольку данное законоположение понимается в правоприменительной практике как позволяющее считать лицо, оказывающее

услуги электронной почты, обладателем соответствующей информации, что служит основанием для оценки действий гражданина, осуществившего передачу информации с адреса электронной почты на свой (личный) адрес электронной почты, как нарушение им установленного правовыми (в том числе локальными) актами и (или) договорами запрета на такую передачу и для определения правовых последствий этих действий.

Позиция заявителя: оспариваемое положение Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» по смыслу, придаваемому

ему правоприменительной практикой противоречит части 1 статьи 19, части 3 статьи 23 и части 3 статьи 55 Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать не противоречащим Конституции РФ пункт 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», поскольку данное законоположение по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

не может рассматриваться как наделяющее правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, статусом обладателя информации в отношении сведений, содержащихся в сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями по электронной почте, или в отношении информации, которую пользователи хранят с помощью данного интернет-сервиса;

позволяет рассматривать как нарушение прав и законных интересов обладателя информации действия гражданина, который — вопреки установленному правовыми, в том числе локальными, актами (с которыми гражданин был ознакомлен) и (или) договорами запрету — осуществил передачу информации с адреса электронной почты, контролируемой обладателем информации, на свой (личный) адрес электронной почты, если обладатель информации принял все необходимые меры, исключающие несанкционированный доступ к этой информации третьих лиц.

Правоприменительные решения по делу заявителя подлежат пересмотру с учётом выявленного в Постановлении конституционно-правового смысла признанного не противоречащим Конституции РФ пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Мотивы решения. Право каждого на свободное выражение своего мнения, включая свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию (часть 4 статьи 29 Конституции РФ), закреплённое также на международно-правовом уровне, во взаимосвязи с принципом недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушения прав и свобод других лиц (часть 3 статьи 17 Конституции РФ) налагает особые обязанности и особую ответствен-

ность, а его ограничения устанавливает закон в целях уважения прав и репутации других лиц. Эти предписания в полной мере относятся к любой информации — независимо от места и способа её производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые (передаваемые, распространяемые) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Следовательно, осуществляя соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель обязан обеспечить — с учётом современного уровня развития средств и способов обращения такого специфического нематериального объекта, как информация, — баланс прав и законных интересов, а также определённую правовую позицию участников правоотношений, объектом которых она выступает, и правоотношений, связанных с её поиском, получением, передачей, производством и распространением.

Часть 2 статьи 23 Конституции РФ, которая определяет правовые стандарты передачи любых сообщений, имеет общее значение, независимо от того, какими средствами осуществляется такая передача. Данное право по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах её осуществления; для доступа к указанным сведениям необходимо получение судебного решения (см.: *определения от 2 октября 2003 года № 345-О и от 21 октября 2008 года № 528-О-О*).

Вопрос о том, становится ли конкретное лицо обладателем определённой информации, то есть приобретает ли оно применительно к этой информации права и обязанности, вытекающие из правового статуса обладателя информации, должен решаться исходя из существа правоотношений. При этом само по себе наличие у конкретного лица доступа к информации не означает, что данное лицо становится её обладателем по смыслу Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», то есть что оно вправе совершать в отношении этой информации действия, являющиеся прерогативой обладателя информации.

Оказание правообладателем коммуникационного интернет-сервиса, посредством ко-

того осуществляется отправка и получение электронных сообщений, соответствующих услуг состоит не в предоставлении доступа к сети связи, а в предоставлении возможности использования программного обеспечения, с помощью которого осуществляется передача сообщений по электронной почте. Отсутствие в федеральном законодательстве прямого указания на обязанность именно правообладателя интернет-сервиса, посредством которого осуществляется отправка и получение электронных сообщений, обеспечивать тайну связи не может рассматриваться как свидетельство отсутствия у него такой обязанности. Условия пользовательского соглашения, заключаемого правообладателем интернет-сервиса и абонентами, не могут трактоваться как предоставляющие правообладателю интернет-сервиса право самостоятельно — и тем самым в нарушении части 2 статьи 23 Конституции РФ — разрешать или ограничивать доступ к информации, содержащейся в передаваемых с его помощью электронных сообщениях. Обязанность хранить информацию не предполагает право разрешать или ограничивать доступ к этой информации, принадлежащее её обладателю: основания и порядок предоставления такой информации определяются федеральными законами, а её получателем от организатора распространения информации в сети «Интернет» может быть только уполномоченный орган.

Таким образом, пункт 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не может рассматриваться как предоставляющий правообладателю интернет-сервиса, посредством которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, право на доступ к информации, содержащейся в получаемых или отправляемых пользователями электронных сообщениях, и, соответственно, как позволяющий говорить о наличии у него статуса обладателя информации.

Отправка гражданином на свой (личный) адрес электронной почты не принадлежащей ему информации создает условия для её дальнейшего неконтролируемого распространения. Фактически, совершив такие действия, гражданин получает возможность разрешать

или ограничивать доступ к отправленной им информации, не получив соответствующего права на основании закона или договора, а сам обладатель информации, допустивший к ней гражданина без намерения предоставить ему эту возможность, уже не может в полной мере определять условия и порядок доступа к ней в дальнейшем, чем претерпевает неблагоприятные последствия действия гражданина с точки зрения полноты своего статуса обладателя информации.

Обладатель информации, составляющей коммерческую тайну, вправе применять при необходимости средства и методы технической защиты её конфиденциальности, другие не противоречащие законодательству Российской Федерации меры. Правовые последствия такой ситуации различаются в зависимости от степени разумности и осмотрительности самого обладателя информации. Если, предоставляя доступ к информации, он безразлично относился к её дальнейшей правовой судьбе, в том числе не принимал мер к предотвращению её выхода из-под своего контроля, то нет оснований рассматривать саму по себе отpravку гражданином информации с адреса электронной почты на свой (личный) адрес электронной почты в качестве обстоятельства, меняющего правоотношения по поводу этой информации. Если же обладатель информации принял все необходимые меры против несанкционированного доступа к соответствующей информации третьих лиц, включая прямой запрет на её отpravку на личный адрес электронной почты допускаемого к ней лица (о чем это лицо было поставлено в известность), то есть действовал разумно и осмотрительно, то отправка гражданином информации на свой (личный) адрес электронной почты, как явно совершённая вопреки предпринятым обладателем информации разумным мерам, может рассматриваться в качестве нарушения его прав и законных интересов именно этим действием, безотносительно к тому, имело ли место разглашение (распространение) данной информации третьему лицу (третьим лицам).

Акты международного права, использованные в Постановлении: Международный пакт о гражданских и политических правах (пункты 2 и 3 статьи 19); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статья 10); постановления Европейского Суда по правам

человека от 3 апреля 2007 года по делу «Коплэнд (Copland) против Соединённого Ко-

ролевства», от 12 января 2016 года по делу «Бэрбулеску (Barbulescu) против Румынии».

НОЯБРЬ • 2017

Постановление от 7 ноября 2017 года № 26-П по делу о проверке конституционности положений абзаца первой части 2 статьи 2, абзаца третьего части 1 и части 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201711090010; дата опубликования: 09.11.2017)

Правовые категории в Постановлении: право частной собственности; принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города федерального значения Севастополь; имущественные отношения; недвижимое имущество; право на судебную защиту.

Заявители: общества с ограниченной ответственностью «Дайвинг-Центр “Соляриус”», «Промхолдинг», «Формат-ИТ» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения абзаца первой части 2 статьи 2, абзаца третьего части 1 и части 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», поскольку эти положения — по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, — служат основанием для разрешения вопроса о возможности включения объектов недвижимого имущества, принадлежащего физическим и юридическим лицам на праве частной собственности, возникшем до вступления в силу Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя», в утверждённый постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 20856/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым.

Позиция заявителей: оспариваемые положения — по смыслу, придаваемому им пра-

воприменительной практикой — не отвечают требованиям ясности и определённости как допускающие лишение собственника принадлежащего ему имущества во внесудебном порядке и без какой-либо компенсации, что позволяет произвольно устанавливать дополнительные исключения из общего правила о сохранении права собственности на земельные участки и иные объекты недвижимого имущества, возникшего до вступления в силу Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя», и тем самым не соответствуют статье 8, части 1 статьи 34, частям 1–3 статьи 35, частям 2 и 3 статьи 55, статье 64 Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать не противоречащими Конституции РФ положения абзаца первой части 2 статьи 2, абзаца третьего части 1 и части 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», поскольку по своему конституционно-правовому смыслу эти положения:

не предполагают включение в Перечень имущества объектов недвижимого имущества, принадлежащих физическим и юридическим лицам на праве частной собственности, возникшем до вступления в силу Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя»

на законных основаниях, и, соответственно, не предполагают произвольного прекращения права частной собственности на такое имущество; не могут служить основанием для отказа физическим или юридическим лицам в удовлетворении их требований, связанных с включением объектов недвижимого имущества в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, лишь вследствие самого по себе факта такого включения, без установления в надлежащей судебной процедуре отсутствия необходимых правовых оснований приобретения соответствующего имущества.

Конституционно-правовой смысл рассматриваемых положений Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», выявленный в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителей на основании рассматриваемых положений Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Собственность, будучи материальной основой и экономическим выражением свободы общества и личности, не только является необходимым условием свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности, но и гарантирует как реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, так и исполнение обусловленных ею обязанностей, а право частной собственности как элемент конституционного статуса личности определяет, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина, смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (см.: *постановления от 31 января 2011 года № 1-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 10 декабря 2014 года*

№ 31-П, от 24 марта 2015 года № 5-П, от 22 декабря 2015 года № 34-П).

Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов — особый случай, требующий специальных мер, в том числе направленных на обеспечение реализации имущественных прав участников гражданских правоотношений, сложившихся в Республике Крым до её принятия в Российскую Федерацию (см.: *определения от 25 сентября 2014 года № 2155-О и от 24 марта 2015 года № 653-О*). Закреплённые в Конституции РФ гарантии охраны частной собственности действуют на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым, в том числе в течение всего переходного периода. Само по себе законодательное регулирование, закрепляющее в качестве общего правила сохранение права собственности за физическими и юридическими лицами и обеспечение преемственности между правом собственности Украины и правом собственности Республики Крым с указанием момента прекращения права собственности у прежнего правообладателя и возникновения его у Республики Крым, является допустимым и обусловлено особенностями переходного периода, введение которого имело целью в том числе упорядочение отношений собственности при интеграции новых субъектов РФ в российскую правовую и экономическую системы и тем самым — поддержание правовой определённости и стабильности гражданского оборота в новых для Республики Крым условиях.

Включение объектов недвижимого имущества, принадлежащих физическим и юридическим лицам на праве частной собственности, в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, может быть обусловлено лишь тем обстоятельством, что органы государственной власти Республики Крым полагали это имущество фактически находящимся в государственной собственности Украины или её публичных образований. Соответственно, если имущество, принадлежащее на праве частной собственности физическим и юридическим лицам, было включено в этот перечень, физические и юридические лица, не согласные с решением органов государственной власти Республики

Крым, не лишены возможности реализовать право на судебную защиту своих нарушенных прав. При этом сам по себе факт включения в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, конкретных объектов недвижимого имущества не может быть основанием для отказа в удовлетворении законных требований этих лиц.

Из смысла статьи 35 Конституции РФ во взаимосвязи с её статьями 17 (части 1 и 3) и 55 (часть 3), вытекает, что суд, рассматривая в конкретном деле вопрос о правомерности включения спорных объектов недвижимого имущества в перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, обязан, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения нормы, исследовать по существу фактические обстоятельства данного дела (см.: *постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П и др.*), учитывая при этом имевшую место до принятия в Российскую Федерацию Республики Крым структурную перестройку экономики Украины и преобразование отношений собственности, включая оценку оснований возникновения права собственности на спорное имущество, и предоставляя тем самым, исходя из общих принципов права, конституционные гарантии права собственности в отношении того имущества, которое принадлежит субъектам права собственности на законных основаниях, что (см.: *Постановление от 11 марта 1998 года № 8-П и др.*). Таким образом, правомерность приобретения имущества в частную (или государственную) собственность также относится к обстоятельствам, которые подлежат оценке судом, рассматривающим спор, связанный с включени-

ем конкретных объектов недвижимого имущества в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, и с учётом которых на основании судебного решения соответствующие объекты недвижимого имущества сохраняются в этом перечне или исключаются из него. Такой подход предполагает и оценку судом правомерности отчуждения недвижимого имущества из государственной собственности в частную с точки зрения соблюдения соответствующих законоположений, а также квалификацию действий физических и юридических лиц — приобретателей этого имущества как добросовестных или недобросовестных.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека (пункт 2 статьи 29); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (статья 4); Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 1).

Обзор подготовили: Сергей Афанасьев и Александра Урошлева. Редактор: Лев Иванов.

Библиографическое описание:

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации: октябрь — ноябрь 2017 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 152–162.

Review of judgments of the Russian Constitutional Court October – November • 2017

Citation

(2017) *Obzor postanovleniy, vynesennykh Konstitutsionnym Sudom Rossiyskoy Federatsii: oktyabr' – noyabr' 2017 goda* [Review of judgments of the Russian Constitutional Court: October – November 2017]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 6, pp. 152–162. (In Russian).